

Тан Чжао не считала поведение Минда странным. На самом деле маленькая принцесса никогда не была терпимой, она была крайне привязчивой и властной. Раньше, когда она была рядом, она не позволяла никому отвлекать внимание Сун Тина, даже ревновала к наследному принцу. Тем более теперь, когда Тан Чжао и Лянь Цзиньяо часто разговаривали вместе, да ещё и избегали её!

Маленькая принцесса была полна недовольства, но Тан Чжао лишь смеялась:

— Разве мы говорим за твоей спиной? Это ты всегда смотришь на неё, и Цзиньяо, боясь, что ты расстроишься, избегает тебя.

Услышав это, Минда стала ещё более недовольной и протянула руку, чтобы ткнуть Тан Чжао в щёку:

— Ты за неё заступаешься?!

Тан Чжао, увидев её ревнивое выражение, не могла не улыбнуться. Уголки её губ поднялись, и на щеке появилась ямочка, как раз там, где Минда её ткнула. Она взяла руку Минда и сказала:

— Ну хватит, это такая ерунда, а ты злишься.

Эти слова только разозлили Минда ещё больше, но Тан Чжао легко смогла её успокоить, сказав несколько слов. Ревнивая маленькая принцесса снова стала сладкой и мягкой.

Затем мягкая маленькая принцесса наконец спросила:

— О чём вы снова говорили?

Тан Чжао рассказала ей о ситуации, а затем, взяв её за руку, повела в комнату, говоря:

— Завтра я поеду с Цзиньяо в город, чтобы посмотреть, как обстоят дела. Также нужно проверить, сколько осталось императорской гвардии. После тех событий император провёл реформу гвардии, так что их верность не должна вызывать сомнений. Чем больше гвардейцев будет защищать тебя, тем спокойнее мне будет.

Под «теми событиями» она имела в виду дворцовый переворот десятилетней давности, который до сих пор вызывал дрожь у всех. Это был мятеж, начатый императорской гвардией, которая должна была быть предана императору, но почти половина из них повернула свои мечи против королевской семьи.

Урок был усвоен, и с тех пор честность и верность стали главными критериями при отборе в гвардию. Сейчас, возможно, в ней всё ещё есть один или два предателя, но повторение такого

масштабного мятежа, как тогда, невозможно. Даже если командир гвардии будет подкуплен, он не сможет повести за собой своих людей.

Однако Минда не обратила внимания на гвардию, она нахмурилась и, схватив руку Тан Чжао, сказала с недовольством:

— Вам мало разговаривать наедине, завтра вы ещё и оставите меня одну?!

Тан Чжао рассмеялась:

— О чём ты? У нас есть важные дела.

Быть защищённой — это счастье, но быть постоянно опекаемой, как ребёнок, не так приятно. Минда покачала руку Тан Чжао, капризно сказав:

— Пинлян — это не логово дракона, Атин, возьми меня с собой.

Тан Чжао, не задумываясь, покачала головой:

— Нет, ты ещё не выздоровела, а до Пинляна десятки ли. Как ты поедешь?

Минда ответила, как будто это было само собой разумеющееся:

— На лошади, я не такая уж изнеженная.

Тан Чжао, услышав, что она не изнеженная, не смогла сдержать смеха, провела пальцем по её носу:

— Разве ты не изнеженная? Неужели ты забыла, как однажды, когда училась вышивать, уколола палец, и я полдня тебя успокаивала?

Это была не изнеженность, просто она хотела понуть — так подумала про себя Минда.

Конечно, мысли — это одно, а капризы, направленные на нужного человека, никогда не устаревают.

Минда с недовольным видом подошла к Тан Чжао и поцеловала её в щёку:

— Атин, возьми меня с собой. Не оставляй меня одну, я буду скучать и начну думать всякие глупости.

Её мягкие губы коснулись щеки, и на лице Тан Чжао мгновенно появился румянец.

На следующий день утром, когда Лянь Цзиньяо пришла за Тан Чжао, она увидела, что обе уже готовы. Она посмотрела на Минда и с удивлением спросила Тан Чжао:

— Разве ты не хотела сначала посмотреть?

Тан Чжао смущённо объяснила:

— Она поедет с нами.

Лянь Цзиньяо посмотрела на них и всё поняла — Тан Чжао обычно была решительной и даже привыкла командовать, но перед своей маленькой женой она становилась мягкой. Такая капризничала, и она сразу же соглашалась.

Хорошо, что это было не так важно, главное, чтобы в городе не было проблем, поэтому не имело значения, поедут двое или трое. Лянь Цзиньяо только с беспокойством посмотрела на рану на животе Минда:

— Поехать вместе — это ничего, но её рана ещё не зажила.

Тан Чжао ответила:

— Не волнуйся, я буду беречь её.

Чья жена, того и забота, это естественно. Лянь Цзиньяо, видя её уверенность, не стала спорить, только напомнила:

— Если не собираешься сразу возвращаться, разве твою жену не стоит замаскировать, чтобы её не узнали?

Тан Чжао загорелась идеей, она планировала надеть на Минда вуаль перед входом в город, но подумала, что в такое время явная маскировка может вызвать подозрения. Услышав слова Лянь Цзиньяо, она спросила:

— Цзиньяо, ты умеешь менять внешность?

Лянь Цзиньяо покачала головой:

— Не то чтобы менять, но я знаю несколько простых способов изменить внешность.

Тан Чжао обрадовалась, обернулась, чтобы что-то сказать Минда, и увидела, что та слегка покраснела, но её глаза сияли. Тан Чжао замерла, и только потом заметила лёгкую застенчивость в глазах Минда. Она наконец поняла, что в словах Лянь Цзинъяо был ещё один важный момент — «маленькая жена».

Неужели Минда сама сказала Лянь Цзинъяо, что она её жена?!

Тан Чжао хотела объяснить, но, встретив взгляд Минда, почему-то не смогла, и её уши покраснели. В конце концов она кашлянула и сказала:

— Давай сначала Цзинъяо немного изменит твою внешность, а затем мы отправимся.

— Хорошо, — ответила Минда, радуясь, что она не стала объяснять, и гордо посмотрела на Лянь Цзинъяо, как будто была павлином.

Лянь Цзинъяо, конечно, понимала женскую ревность, и никакие объяснения тут не помогут. Она с лёгкой улыбкой, которая немного разрядила её напряжённое настроение, сказала:

— Пойдёмте ко мне.

Тан Чжао поблагодарила и повела Минда в комнату Лянь Цзинъяо.

Они жили в одном доме, но это была территория Лянь Цзинъяо, поэтому Тан Чжао и Минда держались в своих комнатах и коридоре. Комната Лянь Цзинъяо была для них запретной зоной, и они даже не думали туда заходить, так что это был их первый визит.

Комната главы крепости была простой, мебель хоть и была изящной, но минимальной. Кроме туалетного столика, в комнате почти ничего не было. На стенах висели лук и стрелы, а также мечи из её коллекции, что почти полностью скрывало единственный намёк на женственность в комнате.

Минда осмотрелась и потеряла интерес, послушно села перед туалетным столиком. Зеркало перед ней было ярким, видимо, его недавно полировали, и оно чётко отражало её лицо.

Без сомнения, Минда была красива, и в королевской семье редко встречались некрасивые. Однако пятнадцать и двадцать пять лет — это разные вещи. Первое — это бутон, который только начинает раскрываться, а второе — цветок в полном расцвете. Её красота, лишённая детской наивности, но наполненная очарованием, заставляла сердца биться чаще — если бы не власть старшей принцессы, сколько бы людей уже попросили её руки?